

Вводить в заблуждение учеников

Едва утреннее солнце перевалило через горный хребет, Сун Цяньцзи, выспавшийся и полный сил, уже был на ногах и возился на своём огороде.

Хорошенько выспаться, вдоволь отдохнуть, а с рассветом — за работу.

На кончиках овощных листьев дрожали прозрачные капли росы, отражая первые лучи зари и сверкая, как бриллианты. Цветы и травы, наполнявшие сад, мягко колыхались на ветру, словно подбадривая его.

Для одного только полива Сун Цяньцзи смастерил целый набор приспособлений: ковши, лейки с распылителями и многое другое. Разные растения требовали разного подхода: одни нуждались в обильном поливе до самых корней, другим достаточно было лишь опрыскать листья, а третьи и вовсе не требовали ежедневной влаги.

Лиловые цветы картофеля с жёлтыми сердцевинами он уже оборвал, оставив лишь стройные зелёные стебли. Ярко-жёлтые цветки огурцов по-прежнему свободно и буйно цвели, по своему желанию то давая пустоцвет, то завязывая плод.

Посаженные прошлой ночью корни лотоса сегодня не показывали заметных изменений. Но Сун Цяньцзи чувствовал — им нужно больше солнечного света. Однако все освещённые места уже были плотно засажены.

В его распоряжении были тщательно возделанные грядки, многоярусные цветочные полки и максимально продуманная, компактная планировка пространства. Два больших чана с водой, в которых он посадил лотосы, пришлось поставить под самый навес дома, где они теперь обиженно и недовольно ютились. Карниз затенял их, и лотосы, вероятно, были не слишком счастливы.

Сначала Сун Цяньцзи подумывал повесить под навесом два фонаря, чтобы освещать чаны, но, поразмыслив, решил, что это полумеры.

Можно экономить на чём угодно, но не на огороде. Можно терпеть любые лишения, но не заставлять страдать растения.

Если хочешь заниматься земледелием, то при наличии условий — занимайся, а при их отсутствии — создавай их!

Поэтому, когда Мэн Хэцзэ вошёл во двор, он застал Сун Цяньцзи сидящим за каменным столом, готовящим киноварь и раскладывающим бумагу для талисманов.

Мэн Хэцзэ был приятно удивлён.

Хотя старший брат Сун и записался на испытание каллиграфии и живописи, и другие ученики внешней школы подарили ему полный набор для рисования талисманов, Мэн Хэцзэ ни разу не видел, чтобы тот практиковался. Казалось, Сун Цяньцзи и вовсе забыл, что записался на состязание.

— Старший брат готовится рисовать талисманы? — спросил Мэн Хэцзэ.

Сун Цяньцзи кивнул.

Мэн Хэцзэ впервые видел, как кто-то готовит кисть, и наблюдал за процессом с живым интересом:

— Какой талисман собирается нарисовать старший брат?

— Талисман сбора света.

Мэн Хэцзэ замер. Он не разбирался в талисманах и подумал, что просто не слышал о таком из-за своего невежества.

— Разве есть такой талисман?

— Теперь будет, — ответил Сун Цяньцзи.

— Осмелюсь спросить, каково его действие? — почтительно поинтересовался Мэн Хэцзэ.

Сун Цяньцзи удовлетворённо улыбнулся:

— Он впитывает солнечный свет, а затем светится.

— И это всё?

— Всё. Просто светится, — подтвердил Сун Цяньцзи.

Мэн Хэцзэ опешил.

«То есть, в разгар битвы ты активируешь этот талисман и швыряешь противнику в лицо, чтобы ослепить его? Идея, конечно, интересная, но как-то не очень подходит для поединка»

Тем временем у ворот двора Суна собралась толпа учеников внешней школы, но никто не решался поторопить его.

Мэн Хэцзэ знал, что все ждут его.

— Сегодня шестой раунд боевого испытания. Я хочу попробовать другую тактику.

— Хорошо, — коротко бросил Сун Цяньцзи.

Услышав это, Мэн Хэцзэ с облегчением выдохнул. Он видел, как Сун Цяньцзи взял кисть, замер с ней над бумагой; его дыхание было ровным и плавным, выражение лица — серьёзным, но спокойным и уверенным. Мэн Хэцзэ невольно подстроил своё дыхание под его ритм и тут же почувствовал, как напряжение отпускает, а тревога уходит.

— Старший брат, я пошёл, — он поклонился Сун Цяньцзи и, развернувшись, вышел за ворота.

Ученики внешней школы воспряли духом. Вся группа, с воодушевлёнными лицами, шумной ватагой устремилась прочь.

Вооруг двора Суна воцарилась тишина.

Лучи утреннего солнца пробивались сквозь горный туман, становясь всё ярче и заставляя киноварь на кончике кисти сиять ещё ослепительнее.

Цветы глицинии беззвучно опадали. Солнечный свет сгустился на кончике кисти, но Сун Цяньцзи всё так же держал её на весу, не начиная.

— Есть сегодня новости об этом юноше? — спросил Мудрец каллиграфии, едва закончив утренний чай.

Ректор был готов к этому вопросу:

— Говорят, практикуется в рисовании талисманов.

Глаза Мудреца каллиграфии загорелись:

— И как успехи?

— Пока неизвестно. Вся внешняя школа отправилась смотреть боевое испытание Мэн Хэцзэ, только он не пошёл. Заперся у себя и рисует талисманы, ни на шаг не выходит.

Мудрец каллиграфии почувствовал облегчение и глубокое удовлетворение.

— Когда все пьяны, а я один трезв... Лишь тот, кто способен вынести одиночество, может достичь высот в каллиграфии. Неплохо.

— Вы хотите его увидеть? — спросил ректор.

Мудрец каллиграфии улыбнулся:

— Не торопись. Пусть этот малец сперва вдоволь нашумится на испытании каллиграфии и живописи, а уж потом я явлюсь.

Рыбка, попавшаяся на крючок, не сорвётся; утка, сваренная в котле, не улетит; ученик, попавший в руки, не ускользнёт.

Он посмотрел в сторону задней горы и мысленно произнёс:

«На этот раз ты не должен со мной спорить. Сун Цяньцзи усердно рисует талисманы, возможно, он совсем не умеет играть в ци. Считаю, что Вэй Пина я тебе уступил»

Второй день боевого испытания был также вторым днём испытания игры в ци.

Долина Ветра и Дыма была покрыта густым лесом из сосен и кипарисов, а по камням струился чистый источник.

Щёлканье падающих на доску камней, то тут, то там, звучало чётко и мелодично, смешиваясь с пением птиц и шумом водопада, и эхом отдавалось в долине.

Двадцать партий шли одновременно. Игроки расположились среди гор и вод — кто на больших валунах, кто у ручья. Рядом с каждой парой стояли дьякон и судья. А ещё — лекари с носилками. Если участник терял сознание от истощения умственных сил и духовной энергии, его могли немедленно отправить на лечение.

Испытание игры в ци, казавшееся изящным и лёгким, на самом деле таило в себе скрытую угрозу.

Зрителей разместили на выступающей площадке на полпути к вершине. Это место было достаточно далеко, но с высоты открывался прекрасный вид. Совершенствующиеся, обладавшие острым зрением, могли разглядеть изменения в каждой партии в долине, не мешая при этом игрокам.

Но все они были молодыми практиками, как тут было удержаться от комментариев.

— Стиль игры Яо Аня очень основателен. Вчера он выиграл три партии подряд, не зря его считают сильнейшим в молодом поколении обители Пурпурных Облаков.

— Яо Ань играет слишком вяло. А вот Чжао Линь, по-моему, действует решительно и беспощадно, оправдывая звание первого гения ци на континенте Тяньбэй.

— В этом году победитель будет одним из них. Выступления остальных лишь подчёркивают их мастерство.

Вдруг кто-то указал в сторону:

— Необязательно. Посмотрите туда, тот парень с самого начала не проиграл ни одной партии.

— Кто он такой? — с любопытством спросили остальные.

— Из какой-то маленькой школы, почти вымершей. Не стоит и упоминания. Говорят, он записался на состязание только ради призов Собрания «Достичь известности».

— Этот юнец играет в нечестном стиле, цепляется, как банный лист, словно какой-то уличный хулиган, — с презрением заметил другой. — Если Чжао Линь или Яо Ань проиграют такому, куда им потом деваться от стыда?

— Ха, вы, отпрыски знатных родов и великих кланов, вечно пользуетесь всеми преимуществами, а потом смеётесь над маленькими школами за их отсталость. А когда кто-то из них пробивается, вы упрекаете их в том, что они слишком явно гонятся за славой и выгодой, и ведут себя недостаточно изящно, — вмешался человек в простой одежде, с возмущением в голосе. — Ты говоришь, у него нечестный стиль, а сам-то смог бы его обыграть?

Тот, первый, покраснел и в гневе выпалил:

— Ну и что, что я не смогу его обыграть? А ты меня сможешь?

Из-за одного участника на зрительской площадке разгорелся яростный спор. Толпа разделилась на два лагеря, дело чуть не дошло до драки, и ученикам Зала Порядка пришлось вмешаться, чтобы навести порядок.

На вершине горы клубились облака.

В прохладной беседке сидели старик и девочка.

Старик, одетый во всё чёрное, с измождённым, болезненным лицом, неподвижно застыл в инвалидном кресле. За его спиной стояла девочка в ярко-жёлтом платье, живая и подвижная. Отсюда, если не бояться высоты, тоже можно было обозревать долину, но из долины их видно не было.

— Учитель, посмотрите на того человека. Неплохо играет, правда? — с улыбкой сказала девочка.

Демон ци, до этого сидевший с полузакрытыми глазами, словно в дрёме, внезапно встрепенулся, его глаза вспыхнули, и он разразился бранью:

— Вэй Пин, сам ещё сопляк, а уже осмелился вводить в заблуждение учеников и учить других играть в ци! Вот же негодяй! Негодяй!

Девочка удивлённо спросила:

— Вы говорите, это ученик Вэй Пина?

Демон ци холодно усмехнулся:

— А ты присмотришься повнимательнее.

Девушка сосредоточилась, и ей показалось, будто она стоит в центре доски, окружённая бесконечными вариациями чёрных и белых камней. Она на мгновение потерялась в этой игре, и её щёки залились румянцем.

— ...Так это и есть Вэй Пин.

На главной площади жеребьёвка шестого раунда боевого испытания только что завершилась.

Список пар ещё не был вывешен, ставки не открыты, и толпа зрителей рассеялась по площади.

Красивая и мягкая в общении девушка-совершенствующаяся в сопровождении десятка человек пробиралась сквозь толпу, раздавая изящно оформленные цветные листовки.

Зрители, думая, что это какая-то букмекерская контора раздаёт купоны на ставки, брали их и читали:

«Вам наскучили однообразные бои на арене?»

«Серая и монотонная жизнь совершенствующегося кажется вам унылой?»

«Участник Дин три-шесть-пять, Мэн Хэцзэ, подарит вам незабываемое зрелище!»

Ха?

Хоть они и не поняли, в чём дело, но, надо признать, листовка их заинтриговала.

<http://bllate.org/book/16982/1589714>